

Андреева Юлия Федоровна
кандидат педагогических наук,
научный сотрудник научно-методической службы
ФГБУ «Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина»

Экстенсивное чтение: *pro et contra*

Рассматривая экстенсивное чтение с позиций *pro et contra*, необходимо раскрыть содержание данного понятия.

Экстенсивное чтение - это «ознакомительное чтение, предполагающее общее понимание текста, определение его сути без углубления в детали, и характеризуемое наличием широкого круга читаемых документов» [1, с. 108].

Наряду с данным понятием в понятийно-терминологический аппарат читателеведения входит понятие «интенсивное чтение», интерпретируемое библиотековедом, доктором педагогических наук, разработчиком теории читательского развития личности В. А. Бородиной как «углубленное и тщательное чтение, вникание в каждую деталь текста для высокой степени понимания и запоминания на длительный промежуток времени, предполагающее узкий круг чтения» [1, с. 82].

Известные культурологи Гульельмо Кавалло и Роже Шартье используют в своих работах понятия «интенсивный читатель» и «экстенсивный читатель».

По их мнению, интенсивные читатели «имеют дело с ограниченным количеством текстов, которые они читают и перечитывают, запоминают, пересказывают наизусть и передают из поколения в поколение» [Цит. по 1, с. 82].

Экстенсивный читатель, в интерпретации Г. Кавалло и Р. Шартье, «поглощает несметное количество разнообразных текстов-однодневок, читает быстро и жадно. Ему свойственно, вместо уважительного отношения к написанному слову, свободное, непринужденное и дерзкое чтение» [Цит. по 1, с. 108].

Анализ вышеприведенных определений показывает, что известные культурологи отдают явное предпочтение интенсивным читателям. Они подчёркивают их позитивную роль в формировании традиций.

В характеристике экстенсивных читателей Г. Кавалло и Р. Шартье также применяют оценочные суждения. Однако в данном случае они используют словосочетания, служащие средством выражения их негативного отношения («тексты-однодневки», «дерзкое чтение» и др.).

Складывается впечатление, что интенсивность и экстенсивность чтения рассматриваются ими в качестве устойчивых особенностей читательской деятельности. Иными словами, данные свойства становятся классификационными признаками, на основе которых выделяются две категории читателей.

Однако справедливо ли противопоставление экстенсивного и интенсивного чтения? Не являются ли они в определенных условиях разными стадиями читательской деятельности? Осуществив постановку этих вопросов, уместно вспомнить о том, что В. А. Бородина в сформулированной ею дефиниции акцентирует наше внимание на ознакомительном, т. е. предварительном характере экстенсивного чтения.

Следует также признать, что в настоящее время каждый человек вынужден быть экстенсивным читателем («поглощать несметное количество текстов»), поскольку подавляющее большинство наших действий связано с прагматическим, (функциональным) или обыденным чтением. Иными словами, читательская деятельность вплетается в другие виды деятельности. С этой точки зрения, способность к экстенсивному чтению является залогом успеха.

Если для утилитарного чтения экстенсивность не только допустима, но и желательна, то для экзистенциального и библиотерапевтического чтения предпочтительной является интенсивность.

Очевидно, что экстенсивному чтению не свойственна трансгрессивная функция, направленная на развитие личности, предполагающая подъём на более высокий духовный уровень и преодоление животной природы.

Об этой стороне человеческого естества Ф. М. Достоевский писал в романе «Братья Карамазовы»: «Во всяком человеке, конечно, таится зверь, - зверь гневливости, зверь сладострастной распалюемости от криков истязуемой жертвы, зверь без удержу, спущенного с цепи, зверь нажитых в разврате болезней, подагр, печенок и проч.» [2, с. 265].

Можно с достаточной долей вероятности предположить, что экстенсивное чтение не способно стать фактором возникновения у читателя катарсиса, т. е. состояния возвышенности, вызванного глубоким эмоциональным потрясением.

Продолжая ряд контраргументов, необходимо отметить, что экстенсивность неприемлема для сакрального чтения. Экстенсивное чтение носит исключительно профанный, секулярный характер.

Г. Кавалло и Р. Шартье, указывая на то, что экстенсивному читателю не свойственно «уважительное отношение к написанному слову», могли иметь в виду неспособность такого читателя к сакрализованному восприятию священных текстов.

В основе данного восприятия лежит неконвенциональная (безусловная) трактовка языковых знаков, характеризующаяся иррациональным и субъективно-пристрастным отношением к слову. Такая трактовка базируется на представлении о том, что слово – это не условное обозначение предмета, а его часть. При отождествлении знака и обозначаемого, слова и предмета, имени вещи и её сущности в сознании читателя возникает представление о трансцендентных свойствах сакрального текста.

Таким образом, читатель, сакрализованно воспринимающий сакральный текст, верит в боговдохновенность данного текста и фасцинируется (завораживается) его звучанием. Однако этими характеристиками сущность

сакрализованного читательского восприятия не исчерпывается. Она включает в себя склонность читателя к абсолютизации содержания сакрального текста.

Иллюстрацией к вышеприведённому тезису может служить зафиксированная современниками фраза А.С. Пушкина. А. О. Смирнова, входившая в число близких знакомых поэта, оставила воспоминания о своём разговоре с приятелем А.С. Пушкина поэтом и драматургом С.Н. Глинкой. В описанной ею беседе Глинка передал следующее высказывание Александра Сергеевича о Евангелии: «Вот единственная в мире книга – в ней есть всё» [Цит. по 5, с. 503].

В своих письменных размышлениях поэт также обращался к евангельской теме. Незадолго до смерти он оставил запись: «Есть книга, коей каждое слово истолковано, объяснено, проповедано во всех концах земли, применено ко всевозможным обстоятельствам жизни... Сия книга называется Евангелием, - и такова её вечно новая прелесть, что если мы, пресыщенные миром или удручённые унынием, случайно откроем её, то уже не в силах противиться её сладостному увлечению и погружаемся духом в её божественное красноречие» [Цит. по 4, с. 9].

В данном высказывании А. С. Пушкин проявил себя как интенсивный, а не экстенсивный читатель. Таким образом, рассматривая феномен экстенсивного чтения в коррелятивной паре с интенсивным чтением, мы видим какие функции изучаемый вид чтения не способен выполнять.

Наряду с этим в докладе было отмечено, что экстенсивное чтение, являясь обыденным или утилитарным, проникает в большинство сфер деятельности человека и находится в тесной связи с повседневными бытовыми действиями.

Источники

1. Бородин В. А. Словарь-справочник по чтению : практикум / В. А. Бородин, С. М. Бородин. – Москва : РШБА, 2017. – 232 с. – Текст : непосредственный.
2. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы : роман / Ф. М. Достоевский. – Петрозаводск : Карельское книжное издательство, 1969. – 840 с. – Текст : непосредственный.
3. Мелентьева Ю. П. О чтении. Размышления о теоретических аспектах чтения / Ю. П. Мелентьева. – Москва : Канон, 2014. – 184 с. – Текст : непосредственный.
4. Мень А. Сын Человеческий / А. Мень. – Москва : Вита, 1991. – 336 с. – Текст : непосредственный.
5. Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники / Д. Мережковский. – Москва : Республика, 1995. – 623 с. – Текст : непосредственный.